# ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ДОМИНАНТА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 316.42

***Т.И. ГРАБЕЛЬНЫХ, Е.В. ЛЕСНИКОВСКАЯ***

Социальные изменения, проявляющиеся через глобализационные и интеграционные процессы во всем мире, запустили различные механизмы и технологии трансформационной активности. Гражданское общество как саморегулирующаяся система в наибольшей степени испытывает сложность и противоречивость современных процессов трансформации. Уникальные для современного периода условия развертывания социальных процессов, их направленность и содержание привели к изменению вектора видения проблем гражданского общества, как в России, так и во многих других регионах мира: произошел *переход от концептуального определения ценностно-нормативных основ и структурных различий гражданского общества к методологическому пониманию самой логики трансформационных изменений в развитии гражданского общества.* Реалии современного мира служат импульсом к рассмотрению трансформирующегося под влиянием доминантных факторов гражданского общества в пространственной перспективе. Макроуровневые тенденции, лежащие в поле дихотомии «глобализация-локализация» и включающие в себя процессы противодействия глобализационных и локализационных сил, преломляясь через национально-региональную специфику, проявляются на микроуровне в моделях гражданской идентичности и типах сетевых интеракций населения регионов. Это позволяет говорить о взаимовлиянии парадигм регионального развития и траекторий трансформации гражданского общества.

В этой связи актуализируется концептуальное поле ключевых категорий, отражающих современные пути и стратегии управления региональным развитием. Речь идет о таких опорных понятиях, доминирующих в современных концепциях и программах социально-экономического и инновационного развития стран, как «пространственное развитие территорий», «инновационные территориальные кластеры» и др. Введение новых понятий и подходов задает интегративные траектории рассмотрения трансформаций гражданского общества в их взаимосвязи с региональными концепциями и стратегиями социального развития.

Данные концепции и стратегии рассматривают гражданское общество как важнейшую составляющую эндогенного потенциала региона и основной ресурс достижения стратегических целей и приоритетов. Следовательно, трансформационные процессы в гражданском обществе в значительной степени влияют на характер и выбор механизмов регионального развития. В то же время, стратегическое управление региональным развитием ориентирует вектор трансформации гражданского общества в конструктивное русло, что имеет первостепенное значение в условиях углубления дифференциации общества и неравномерного развития регионов.

В рамках базовой модели взаимовлияния парадигмы стратегического регионального развития и траекторий трансформации гражданского общества есть основание говорить о процессах и механизмах активизации практик социального творчества в условиях региона. Представляется, что множество связей и путей влияния на развитие гражданского общества обуславливают, в первую очередь, объективные процессы активизации социального творчества, проявляющегося в разнообразии интегрированных практик социального творчества. Практики социального творчества, как и любые другие социальные практики, имеют пространственные и временные характеристики и являются проявлением трансформационных процессов гражданского общества. Такие практики в значительной мере структурируются под влиянием парадигмальных сдвигов в региональном развитии.

Исследуя трансформацию гражданского общества как доминанту регионального развития, представляется важным дать концептуальное определение научных проблем и направлений, отраженных в отечественной и зарубежной литературе, через взаимосвязь дискурсивных практик, посвященных вопросам реализации стратегических концепций

регионального развития и содержания траекторий трансформации гражданского общества.

Активное изучение трансформационных процессов в развитии современных обществ прослеживается с 90-х гг. XX века. В отечественной литературе гражданское общество предстает как социальная система, развивающаяся через противоречия в сложных национально-специфических условиях: с одной стороны, от «импортозависимой» к «укорененной модели» (Л. И. Якобсон), проявляясь через поиски возможностей конструирования диалога государства и общества и процессы плюрализации и профессионализации социально-гражданских практик [7]; с другой стороны, от ориентации на преимущественно внешние ресурсы и заимствование зарубежных моделей к использованию внутреннего потенциала местных сообществ и выработке собственных моделей регионального развития.

Трансформационные процессы на региональном уровне явились тем внутренним импульсом, который на рубеже XIX–XX вв. вызвал различные всплески активизации социально-творческой деятельности местных сообществ. Со временем активно развивающиеся практики социального творчества становятся ресурсом регионального социального развития и в то же время особой платформой для организации коммуникативного процесса между различными акторами региональных сообществ.

Предоставление гражданам возможностей проявлять инициативу и заниматься социально-творческой деятельностью, интегрированной в общенациональные механизмы социального развития, сегодня характерно для стратегических концепций развития многих стран, в том числе Российской Федерации. В процессе реализации легитимных практик социального творчества акцент смещается на решение актуальных задач силами гражданского общества на базе различных моделей межсекторного партнерства. Согласно известному теоретику регионального развития Дж. Бэчтлеру, современная концепция долгосрочного регионального развития предполагает интегрированные стратегии и планы, конструирование и реализация которых осуществляется при участии межсекторных партнерств региональных и локальных акторов [9].

Не вызывает сомнений, что стратегическое планирование и приоритетные направления социального развития региона неразрывно связаны с развитием пространственной парадигмы. В зарубежной литературе она находит освещение уже в 1970-е гг., когда в ответ на стагнацию производства и экономический кризис возникает спрос на новые знания, технологии, нетрадиционные решения. Развитие институциональной теории способствовало формированию представлений о регионе как о единице стратегического социального развития. Доминирующими концептами в научной литературе, освещающей данную проблематику, становятся концепты территориальной близости (proximity), пространства (space) и места (place)*. Данные концепты образуют единое концептуальное поле, в котором «территория» является более узким понятием, отражающем географическую и организационную близость, «пространство» охватывает и нетерриториальные пространства, а «место» рассматривается как определенная позиция в пространстве, определяющая событийные практики.

Среди известных зарубежных работ более позднего периода, посвященных вопросам стратегического регионального развития с позиции пространственной парадигмы, отметим труды Д. Кибл, Ф. Уилкинсон, A. Torre, J.P. Gilly, C. Ansell и др. [12; 17; 8]. Рассматриваемое в контексте регионального развития, само пространство (территория) служит неким общим местом для репрезентации местных акторов. Как подчеркивают A. Torre и J.P. Gilly, территориальное пространство (организационная и географическая приближенность) предполагает «...приверженность агентов к общему пространству репрезентации, образцов поведения и установленного порядка мыслей и действия» [17, с. 174]. Территория представляет собой особое посредническое пространство, некую социальную конструкцию как результат взаимодействий местных и неместных акторов [17]. Во временном разрезе деятельность по репрезентации агентов в социальных структурах связывается и с прошлым (наследуемые институты и правила), и с ожидаемым акторами определенным общим будущим. Примечательно, что структурные формы связываются именно с прошлым, а коллективное действие – с ожидаемым будущим. Таким образом, деятельность акторов для одних авторов представляет собой процесс решения определенной конструктивной задачи [17], для других – процесс разрешения технологических и организационных

* Среди исследователей отметим C. Lawson, E. Lorenz, A. Saxenian, P. Krugman, M. Storper и др.

проблем, с которыми они сталкиваются [12]. В изменении вектора видения взаимосвязи регионального развития и трансформационных изменений в развитии гражданского общества через практики репрезентации состоит методологическая новизна исследования проблемы на рубеже XX–XXI вв.

Особый интерес представляет такое направление исследования как изучение разноуровневых коммуникаций относительно *практики оценивания стратегий регионального развития (технологий и методик) как условия и инструмента организации дискурса о трансформации гражданского общества.* Так, по мнению Ю. Хабермаса, при решении проблем социального развития, за которыми всегда стоит улучшение условий проживания и повышение благосостояния населения, целевая коммуникация «...образует один из важных ресурсов общественной интеграции» [6, с. 94]. Вопрос о необходимости создания дискуссионной платформы относительно практик оценивания региональных стратегий ставится и М. Диез. По ее мнению, процесс оценивания стратегий регионального развития становится сам по себе определенной гражданской практикой и своеобразной дискуссионной платформой [11]. В понимании/ признании важности *гражданских практик оценивания стратегий регионального развития* нами видится продуктивность методологического подхода.

Концепция развертывания гражданских практик разработки и оценивания стратегий регионального развития получила широкое распространение в международной практике принятия и реализации долгосрочных концепций. Так, например, в долгосрочной концепции стратегического развития Европейского Союза «Europe 2020» имеет место целый ряд гражданских инициатив. Кроме того, в стратегии указывается, что гражданское общество выступает одним из ее исполнителей. В вышеуказанной стратегии отмечается, что гражданское общество «...играет важную роль как в развитии национальных программ, так и в мониторинге их реализации» [1].

Что касается российского опыта, здесь также при разработке и корректировке «Стратегии долгосрочного регионального развития до 2020 г.» участвовал большой круг экспертных групп. Примечательно, что «Стратегия-2020» получила широкое обсуждение на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, в профессиональных и академических сообществах, НКО. К разработке и оцениванию были привлечены международные эксперты, широкий круг экспертов со стороны научно-образовательных учреждений, общественных палат регионов. Конструирование гражданского диалога на платформе межсекторного партнерства в рамках стратегического дискурса социального регионального развития придает векторам трансформации гражданского общества конструктивное направление. Как отметил руководитель одной из экспертных групп при формировании предложений Правительству РФ, «...мы обязаны рассматривать реакции социальных групп на те или иные решения, их социальные последствия» [3]. В «Стратегии инновационного развития России до 2020 г.» общественная экспертиза указана в качестве одного из основных координационных механизмов реализации приоритетов в области инновационного развития страны [5]. В то же время формирование и деятельность экспертных консультативных советов тесно связаны с развитием межсекторного партнерства – взаимодействия между государством, бизнесом и гражданским обществом.

Таким образом, есть основание сделать заключение о том, что практики разработки, корректировки и оценивания стратегических концепций регионального развития приобрели статус интегрированных гражданских практик, соответствуя требованиям легитимности, функциональности и эффективности. Выдвинутая идея о взаимовлиянии парадигм регионального развития и траекторий трансформации гражданского общества находит прямое отражение в многообразных практиках социального творчества, реализующихся в коммуникативном процессе между различными акторами региональных сообществ.

*Одним из признаков стратегического регионального развития и факторов трансформации гражданского общества является способность регионов к обновлению конкурентных преимуществ, что является сегодня одной из основных предпосылок к институционализации практик социального творчества.* Важно отметить, что конкурентные преимущества не предстают лишь как сложившаяся исторически данность, но как объект, поддающийся целенаправленному конструированию, а также обновлению [5]. Р. Камани подчеркивает, что в современной мировой парадигме регионального развития конкурентные преимущества региона рассматриваются как сознательно конструируемые – «...все они (региональные конкурентные преимущества) – искусственные или созданные...»* [10]. Учитывая динамику

* «...they are all artificial or created advantages...» – авт. пер.

социальных изменений, основные траектории регионального развития уже не базируются только на конкурентных преимуществах региона, но формируются, создаются, конструируются путем активного освоения интегрированных социальных практик и технологий. Поскольку конкурентные преимущества должны постоянно подтверждаться через обновление, адаптируясь к новым условиям и специфике контекста, востребуются определенные свойства эндогенного потенциала региона. Таким образом, развитие способности к обновлению конкурентных преимуществ посредством эффективного использования внутреннего регионального потенциала, включающего в себя гражданский потенциал, становится одной из определяющих черт регионов-лидеров. Как отмечает в этой связи Дж. Бэтлер, «...регионы-лидеры отличаются тем, что обладают способностью реструктурировать и обновлять производственные структуры для продвижения инновационных комплексов и создавать новые кластеры вокруг своего конкурентного преимущества» [9]. Логично предположить, что существуют интегративные факторы, воздействующие на способность регионов к обновлению конкурентных преимуществ и к развитию своего эндогенного потенциала в целом.

Ряд зарубежных исследователей в качестве одного из ведущих факторов, способствующих обновлению конкурентного преимущества, выделяют коллективное (социальное) обучение [14]. К ведущим факторам, как уже упоминалось, относятся и практики социального творчества. Как и коллективное (социальное) обучение, они, с одной стороны, обеспечивают закрепление общих норм и образцов поведения, усиливающих доверие в обществе, с другой стороны, способствуют трансферту неявного («tacit») знания. В этой связи прослеживается неразрывная связь практик социального творчества и сфер знания.

Практики социального творчества предполагают обмен прежде всего некодифицированным, «неявным знанием»* [4]. Именно этот вид знания имеет преимущества перед кодифицированным, поскольку последнее получает слишком быстрое распространение и становится широко доступным [13, с. 17], а, следовательно, уязвимым с точки зрения нелегитимного трансферта технологий. В то же время практики социального творчества позволяют передавать, в первую очередь, некодифицированное знание, способствуя тем самым созданию благоприятной среды для инновационной деятельности и условий развития человеческого капитала.

Оформленность и востребованность практик социального творчества в России, способствующих распространению «неявного» знания как в сфере технологических инноваций, так и в области социальных инноваций, обусловлены, в первую очередь, необходимостью создания национальной инновационной системы в новых условиях протекания мировых процессов. Практики социального творчества призваны выступить одним из основных инструментов формирования благоприятной институциональной среды. В современных стратегиях долгосрочного социально-экономического развития и инновационного развития России подчеркивается повышение роли институциональной среды в реализации приоритетных направлений социального развития [2; 5]. Обозначенная тенденция прослеживается и в других регионах [1]. Как справедливо отмечает F. Moulaert, социо-организационная динамика оказывается помещенной в инновационный технологический контекст [15]. Практики социального творчества, таким образом, представляют важный ресурс как для создания институциональной среды для развития инновационной деятельности в регионе, так и для формирования активного восприятия населением инноваций, формирования спроса на инновации, так называемого demand-size подхода в конструировании инновационной деятельности, определяемой, в целом, запросами населения и власти на инновационные технологии, а также их восприимчивостью к инновациям.

Следует помнить, что в процессе институционализации практик социального творчества применяются ограничительные критерии целесообразности [11]. В своих работах мы ставим вопрос о наличии системы социальных фильтров, интегрированных в процессы освоения социальных технологий, одним из которых выступает легитимация.

Вышесказанное позволяет дать концептуальное определение практикам социального творчества как социальным практикам согласованного коллективного действия, институционализирующихся посредством механизмов легитимации и базирующихся на эндогенном потенциале регионального пространства в динамике глобализационно-фрагментационных процессов.

«Интегративный консенсус», выступая одним из отличительных признаков прак-

*«tacit knowledge», в понимании М. Полани [4].

тик социального творчества и проявляясь через механизмы согласования в возросшем числе обращений к экспертизе и консультативным советам, детерминирует тип взаимосвязи стратегического регионального развития с дискурсивными практиками научных и региональных сообществ, открывая новые возможности для развития гражданского дискурса. В связи с этим, повышается роль мониторинга общественного мнения всех вовлеченных в механизмы согласования – населения, региональной власти, представителей государственной власти федерального уровня и муниципальной власти, некоммерческого сектора, призванных активно развивать практики коллективного согласованного действия.

Проведенный нами на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций Института социальных наук и НИЧ ФБГОУ ВПО «ИГУ» в 2012 г. экспертный опрос «Гражданское общество и основные пути активизации практик социального творчества в контексте проблем регионального развития»* позволил выявить ряд особенностей и тенденций восприятия экспертами условий активизации практик социального творчества как интегративных гражданских практик. По результатам исследования проявилось, что признак согласованности коллективного действия («интегративный консенсус») представляется важным для значительной части опрошенных: гражданское общество воспринимается экспертами как высокоинтегрированное общество. Признак взаимодействия и согласованности, согласно полученным данным, выступает отличительным признаком как для интегрированного, так и для гражданского общества. Таким образом, в современных условиях получает особое звучание интегративная составляющая гражданского общества, при этом согласованное взаимодействие выступает главной сущностной характеристикой интегративного консенсуса. Очевидно, что для эффективной организации инновационной деятельности в условиях региона требуются приемлемые формы стратегических межсекторных партнерств и сотрудничеств. Существует прямая зависимость между уровнями интегративного консенсуса и доверием в обществе: значение интегративного консенсуса особенно возрастает в обществах и региональных сообществах с низким уровнем доверия. Обнаружилось, что определенная часть респондентов (16,7%) выделяют в качестве сущностного признака согласованного взаимодействия именно стратегическое объединение усилий для достижения целей. Полагаем, что это дает основание говорить о стратегическом принципе интеграции или стратегической интеграции на базе консенсусного взаимодействия. Действительно, интеграционные процессы разных уровней преследуют определенные стратегические цели. Принимая во внимание, что концепт стратегического объединения («стратегической интеграции») на сегодняшний день получил освещение в научной литературе и СМИ в значительной мере в области процессов экономической интеграции международного уровня и внешнеполитического сотрудничества, неудивительно, что у части респондентов этот концепт присутствует в сознании.

Относительно некоммерческого сектора как неотъемлемой части гражданского общества, то он также переживает ряд интеграционных трансформаций, о чем свидетельствует тенденция к повышению уровня социальной активности за пределами зарегистрированных общественных организаций и объединений, а также в проектной деятельности. В силу этих и других причин важнейшим фактором социальной эффективности деятельности некоммерческого сектора в условиях трансформационных изменений выступает интегрированность некоммерческой организации в общество. По данным проведенного нами опроса в Иркутской области в 2012 г., подавляющее большинство респондентов (92%) в качестве важного признака интегрированности НКО в общество видят налаженность их взаимосвязи с государственным сектором. Если налаженность взаимосвязи НКО с государственным сектором поставлена на вторую позицию, то на первой – налаженность связей некоммерческой организации с населением (98,7%). Таким образом, подавляющее большинство респондентов ожидают от некоммерческих организаций налаженных взаимосвязей с государством и населением. 82,7% респондентов также отмечают важность высокого уровня информированности некоммерческой организации о проблемах общества. Это дает основание заключить,

* Экспертное интервьюирование проведено в период с февраля по июнь 2012 г. Всего опрошено 75 экспертов. В качестве экспертов выступили представители государственных структур и общественных организаций Иркутской области, наиболее активно развивающих практики социального творчества.

Респондентам было предложено выделить признаки гражданского общества и признаки интегрированного общества. Данные понятия были намеренно разведены в вопросе. Между тем, проявилось, что в качестве такого признака в обоих случаях чаще всего респондентами указывалось «взаимодействие, согласованность в действиях между элементами общества».

что респонденты ожидают от некоммерческой организации, помимо реализации основных целей и видов своей деятельности, более широкую информированность об актуальных социальных проблемах и эффективности их решения в регионе.

В свете интегративного вектора трансформационных изменений в гражданском обществе в русле региональных стратегий долгосрочного социального развития особую значимость приобретает восприятие функциональности и эффективности практик социального творчества в региональных сообществах. В Иркутской области, как показал типологический анализ, практики социального творчества распространены, прежде всего, в форме конкурсов социальных проектов, ярмарок социальных инициатив. Более того, значительная часть респондентов (46,5% от общего числа полученных ответов, 86 ответов принято за 100%) считают, что социальное творчество выступает инновационной площадкой для развития социальных и гражданских инициатив. По мнению другой части опрошенных (30,2%), «социальное творчество выступает одним из идейных, интеллектуальных, организационных ресурсов для развития социальных и гражданских инициатив». Мы видим, что экспертное мнение, в целом, совпадает с распространенной точкой зрения относительно видения инноваций как продукта научного и социального творчества. Согласно результатам проведенного исследования в условиях трансформационных изменений в региональных сообществах идут процессы институционализации практик социального творчества в конструктивном стратегическом русле.

В целом, изучение особенностей взаимовлияния парадигм регионального развития и траекторий трансформации гражданского общества позволило сделать вывод о том, что трансформационные процессы в гражданском обществе влияют на характер и выбор механизмов регионального развития через разнообразные практики социального творчества. Одной из таких практик интегративно-творческого характера является практика разработки, корректировки и оценивания стратегий регионального развития, которая на рубеже XX–XXI вв. приобретает статус гражданской практики. Основной же предпосылкой к институционализации практик социального творчества в регионе выступает её способность к обновлению конкурентных преимуществ.

1. Европейская стратегия экономического развития «Europe 2020» [Электронный ресурс] // European Commission [Official website]. URL: http://ec.europa.eu/europe2020/index_en.htm (accessed: 05.11.2012).

2. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года «Стратегия-2020»: Новая модель роста – новая социальная политика» [Электронный ресурс] // Информационный сайт экспертных групп по работе над «Стратегией-2020» [Офиц. сайт]. URL: http://2020strategy.ru/documents/32710234.html (дата обращения: 15.11.2012).

3. Обращение Я.И. Кузьминова к участникам экспертных групп «Стратегии-2020» [Электронный ресурс] // Информационный сайт экспертных групп по работе над «Стратегией-2020» [Офиц. сайт]. URL: http://2020strategy.ru/kouzminov (дата обращения: 11.12.2012).

4. Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии [Текст] / под ред. В.А. Лекторского, В.А. Аршинова; пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. М., 1995. 343 с.

5. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации [Интернет-портал]. URL: http://правительство.рф/gov/results/17449/ (дата обращения: 30.10.2012).

6. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью [Текст] / Ю. Хабермас. М.: АО «KAMI», 1995. 247 с.

7. Якобсон, Л.И. Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения [Текст] / Л.И. Якобсон, С.В. Санович // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 21–34.

8. Ansell, C. The networked polity: regional development in Western Europe [Text] / C.Ansell // Governance: An International Journal of policy and administration. 2000. Vol.13. No. 3. P. 279–291.

9. Bachtler, J. Policies and strategies for regional development: a shift in paradigm? [Электронный ресурс] / J. Bachtler, D. Yuill. URL: http://www.eprc.strath.ac.uk/eprc/documents/PDF_files/R46PoliciesandStrategiesforRegionalDevelopment.pdf (дата обращения: 16.11.2012).

10. Camagni, R. On the concept of territorial competitiveness: sound or misleading? [Электронный ресурс] / R. Camagni. URL: http://www.yorku.ca/ishd/LEDCD.SP/Links%20BQ/B5_Territorial%20competitiveness_camagni.pdf (дата обращения: 30.11.2012).

11. Diez, M.A. The Evaluation of Regional Innovation and Cluster Policies: Towards a Participatory Approach [Text] / M.A. Diez // European Planning Studies. 2001. Vol. 9. No. 7. P. 907–923.

12. Keeble, D. Collective Learning and Knowledge Development in the Evolution of Regional Clusters of High Technology SMEs in Europe [Text] / D. Keeble, F. Wilkinson // Regional Studies. 1991. Vol. 33.4 . P. 295–303.

13. Lefebvre, H. The production of space [Text] / H. Lefebvre. Oxford: Blackwell, 1991. 454 p.

14. Morgan, K. The learning region: institutions, innovation and regional renewal [Text] / K. Morgan // Regional Studies. 1997. Vol. 31.5. P. 491–503.

15. Moulaert, F. Territorial Innovation Models: A critical survey [Text] / F. Moulaert, F. Sekia // Regional Studies. 2003. Vol. 37.3. P. 289–302.

16. Storper, M. Territorial development in the global learning economy: the challenge to developing countries [Text] / M. Storper // Review of International political Economy. 1995. Vol. 2.3. P. 394–424.

17. Torre, A. On the analytical dimension of Proximity Dynamics [Text] / A. Torre, J.P. Gilly // Regional Studies. 1999. Vol. 34. No. 2. P. 169–180.